

ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ (ПО КАРТАМ «АТЛАСА ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»)¹

Д.Б.Рамазанова

Институт языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова АН РТ, rdb@mail.ru

В статье рассматриваются изоглоссы инфинитивных форм, функционирующих в татарском литературном и диалектном языках: *-ырга/-ергә*, *-мага/-мәгә* и его фонетических вариантов, *-ма/-мә*, *-галы/-гәле*, *-у/-ү*, картографированные на картах №87, 88, 89 «Атласа татарских народных говоров».

Лингвогеографическое изучение татарских говоров показало, что в говорах в значении инфинитива употребляется несколько форм: *-мага/-мәгә* и его варианты – *маа/-мәә*, *мә/мә̄*, *-ма/мә*, *-ырга/-ергә*, *-галы/-гәле*, *-у/-ү*.

1 Форма на *-ырга/-ергә* является одной из древних форм в татарской системе глагола, представляющих собой неличную форму, называющую действие вне связи с субъектом. Она не указывает ни времени, ни лица, ни числа и ни склонения. Данная форма образуется путем присоединения показателю причастия на *-ыр* аффикса направительного падежа *-га/-гә*. Причем, аффикс *-ырга* может присоединиться на основы, имеющие категорию залога (*ачылырга* – открываться, *йуынырҗа* – мыться), многократности (*ачылгаларга* – открываться время от времени), отрицательного аспекта (*килмәскә* – не приходиться) и т.д.

Инфинитив на *-ырга/-ергә* является литературной нормой татарского языка, так же и типичным для мишарского диалекта. Кроме того, данная форма стала основной формой и для большинства говоров среднего диалекта, конкурирует диалектной формой (*-галы/-гәле*) в сибирско-татарских диалектах: в тоболо-иртышском, барабинском, томском (в его уштинско-чатском говоре). А в калмакском говоре, как показали материалы «Атласа» [1], форма *-ырга/-ергә* является единственной (за небольшим исключением формы *-у/-ү*) формой, функционирующей как инфинитив. Она употреблялась и в памятниках [2, с. 190–195] татарского языка. Как единичный пример зафиксирована уже «Кыйссаи Йосыф» (XIII в.).

2 *-мага/-мәгә*: карта №90 [1].

Данная форма по своим значениям и функционированию совпадает с инфинитивом на *-ырга*. Она была присуща и татарскому старописьменному литературному языку вплоть до начала XX в. На «Атласе» видно, что эта форма распространена на значительной территории. На первом томе, на западе распространения мишарских говоров, в касимовском (нас. пп. №57, 58, 59, 168, 169, 170, 174), бастанском (№171), куршинском (№293) (территории Рязанской и Тамбовской областей), нукратском (нас. п. №1; Новослободской район Кировской области), параньгинском (№5–8; в Мари Эл, в пределах Параньгинского и Мари-Турекского районов), частично в дубязском (№10–12, 12^а, Арский – ныне Дубязский, район Татарстана), балтачском (№29–34;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Электронный атлас татарских народных говоров» (проект №11-04-12020в)

пределы севера Балтасинского района Татарстана, Малмыжского района Кировской области) говорах татарского языка.

На территории второго тома “Атласа” изоглосса инфинитива на -магә/-мәгә охватывает нукратский (нас.п. № 1–7; Удмуртия) [3, с.20–22], пермский (нас.п. №8–17, 31–46, 54–59, 61, 62, 66, пределы юга Пермской области) [4, 99–100] говоры.

Кроме того, в нас. пп. №13–17, 19, 25–27, 35, 39, 108 (южные части территорий, распространения параньгинского, дубьязского говоров), №75 (подберезинский говор, северо-запад Нагорной стороны Татарстана), №21, 23, 24, 26–30, 48, 49, 105–110, 112–115 (агрызский подговор и север янаульского подговора мензелинского говора), №63, 80, 83 (юг территории распространения пермского говора: Пермская область) отмечено ограниченное употребление инфинитива на -мага/-мәгә. Ограниченное употребление отмечено и в территории распространения бугурусланского говора (Оренбуржье), что объясняется историей переселения на те места выходцев из различных регионов Среднего Поволжья, современного Татарстана.

В пределах Предкамья, Восточного Закамья, узкой полосы северо-западного Башкортостана (правого бассейна реки Ик), наблюдается образование инфинитива на -мага/-мәгә от глагола *ал-* – брать (Алмага *килгән* – приехал за ней, т.е. забрать).

Таким образом, степень активности употребления инфинитива -мага/-мәгә повышается в северных частях территорий распространения указанных говоров и в периферийных говорах. Изоглосса инфинитива на -мага/-мәгә представляет собой трехъярусную полосу с запада на восток. Сначала полоса выражения *алмага бару*, далее к северу начинается полоса ограниченного употребления, а на самом севере территории татарского диалектного языка распространены параньгинский, балтачский, нукратский, пермский говоры, где форма на -мага/-мәгә является доминирующей. К этой же группе относятся касимовский, бастанский, куршинский говоры, распространенные на самой западной окраине, развивающиеся изолированно и довольно отдаленно от основной массы татарского народа.

В третьем томе рассматриваемая форма отсутствует.

3 -ма/-мә: карта №91. Изоглосса данной формы почти совпадает с изоглоссой инфинитива на -мага/-мәгә и охватывает говоры касимовский – №57–59, 168–170, бастанский - №171, куршинский - №293 (пределы Рязанской и Томбовской областей), подберезинский – №75 и нурлатский - №82–87 (северо-запад Нагорной части Татарстана), нукратский - №1 (Кировская область).

Во втором томе “Атласа” активное употребление инфинитива -ма/-мә отражено в нукратском говоре - №1–7 (Удмуртия), ограниченно – в агрызском подговоре мензелинского говора (№22, 27) (Татарстан).

Особенностью функционирования данной формы инфинитива является то, что в I томе выделяется сплошной ареал, включающий Нагорную сторону (пределы Татарстана) совместно с сергачским (Ниж.Новгород) говором, где форма на -ма/-мә употребляется в сочетании с глаголом *келә* – хотеть, в результате чего возникла самостоятельная конструкция со значением внутреннего желания. Изоглосса этой конструкции образует небольшие сплошные ареалы, совпадающие с территорией распространения следующих говоров западного диалекта мелекесского (№214–216, 226, 229–232, 251–255 – Ульяновская область), мишарских сел (№288–292) на территории распространения камышлинского говора среднего диалекта – Самарская область), чистопольского (№128, 149–152, 154, 156–158, 166, 218–220, 222, 233–241, 243–244, 256–261; пределы юга Татарстана и севера Самарской области).

По употреблению формы на -ма/-мә выделяется и следующий татарский говор – стерлитамакский, территория распространения которого охватывает пределы Аургазинского, Альшеевского, Кармаскалинского районов Башкортостана, заселенных в XVI–XVIII вв. служилыми мещеряками, предками мишарей [5] 1. В этом говоре инфинитив на -ма/-мә выступает также несколько ограниченно, в сочетании с модальным словом *кирәк* и с отдельными глаголами.

Необходимо отметить, что там, где существование мишарских сел и в настоящее время сохраняет сплошной характер, проявляется устойчивость специфических

мишарских особенностей. В тех же населенных пунктах стерлитамакского говора, которые расположены смежно с населенными пунктами среднего диалекта, специфические особенности вышли из употребления.

В третьем томе активное употребление на -ма/-мә отражено еще в нас. пп. №2 – (говор татар-каракалпаков среднего диалекта [6], №30 (волгоградский говор мишарского диалекта), №60 (тюменский говор тоболо-иртышского диалекта) [7, с.267].

Первые два говора распространены в районах Астраханской и Волгоградской областей, представляют собой говоры переселенцев из различных центральных губерний России: Пензенской, Казанской, Саратовской и др.

Населенный пункт Бухтал (№60) расположен на самой западной границе тюменского говора. В советское время в деревню заселились выходцы из Нагорной стороны Татарстана, которые к концу XX в. начали представлять бо'льшую часть населения дер. Бухтал. Видимо, они сумели сохранить и специфические особенности материнского говора.

Таким образом, “Атлас татарских народных говоров” показал, что инфинитив на *ма/-мә* проявляют устойчивость в таких реликтных говорах среднего диалекта, как касимовский, нукратовский, пермский, подберезинский, носители которых в том или ином отношении (культурно-экономическом, территориальном и др.) отделились от основной массы татарского народа и развивались изолированно, в окружении других народов и т.д.

4 -галы/-гәле: карта №90. Данная форма инфинитива характерна для сибирско-татарских тоболо-иртышского, барабинского, томского – диалектов [7 с.266]. Вместе с тем, изоглосса его в томском диалекте охватывает лишь эуштинско-чатский говор, а в калмакском употребляется литературная форма *-ырга/-ергә*.

Форма на *-галы/-гәле* изредка встречается в восточной части ичкинского говора среднего диалекта, что объясняется влиянием соседнего тоболо-иртышского диалекта.

Данная форма зафиксирована и в старотатарском памятнике “Якуб ага сеяхатнамеси”, древнетюркских письменных памятниках [8, с.173] в ряде кыпчакских (башкирском, ногайском, казахском, каракалпакском [9, с.91; 10, с.471] и др.), восточнотюркских (тувинском, хакасском, алтайском и др. [11, с.341; 12, с.3 и др.] языков.

5 -у/-ү. Данная именная форма глагола иногда также выступает в роли инфинитива. Это довольно активно наблюдается в восточных диалектах. Например: *Мин райунҗа бару кирәк.* – Мне нужно ехать в район. *Сыу аша чыгу (чыгарга) кирәк* – Необходимо перейти речку (тоболо-иртышский диалект). *Пару ввулгач әсерләну вәрәх'* (барырга, әзерләнергә) – Раз надо ехать, нужно готовиться (зоболотный говор). *Йәшләр узуга (укырга) китәте* – Молодежь уезжает учиться. *Өң тулуҗа (туларга) ун минут* – Без десяти три (барабинский диалект). *Ит пешерү (пешерергә) йарамас, ит йысын йаратмас (яратмый) тителәр аны* – Нельзя варить мясо, сказали, что она не переносит запах мяса (томский диалект).

Употребление именной формы -у/-ү с показателем дательного-направительного *-га/-гә* в функции инфинитива имеет место и в говорах При- и Зауралья: *печән 'арауҗа (карарга) барам* – Иду смотреть сено; *кичен җырлауга (җырларга) киләбез* – Вечером придем (песни) петь. *Гөлйәмен 'айнатыб әсүгә (эчәргә) әйбәт* – Шиповник хорошо употреблять (досл. пить) в виде отвара. *Йөрөүгә (йөрергә) 'ыйын* – Трудно ходить. *Йеләк эшкәртүгә (эшкәртергә) мәшә 'әтле* – Ягоды хлопотно обрабатывать.

Указанное явление вымтупает в говорах всех диалектов татарского языка, не дает четкую изоглоссу, и поэтому оно отведено от картографирования.

Кстати, необходимо отметить, что в татарском языке для передачи цели действия в функции инфинитива могут употребляться и другие глагольные формы: *-малы/-мәле* (карта №88), *-ышы/-еше* (карта №89), *-асы/-әсе* (карта №87) и др.

Таким образом, татарский диалектный язык располагает, как свидетельствуют карты “Атласа татарских народных говоров”, рядом инфинитивных форм, что связано со сложной историей формирования татарского народа, его языка и диалектной системы. Следует отметить то, что в ходе развития татарского языка постепенно

сужались семантические функции древних глагольных форм, характерных для старотатарского литературного языка, хотя в периферийных говорах наблюдается их устойчивость.

Список литературы

1. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. – Комментарии к “Атласу...” // Сост.: Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т., Баязитова Ф.С., Рамазанова Д.Б., Садыкова З.Р., Хайрутдинова Т.Х. // Научн. редакторы: Н.Б.Бурганова, Л.Т.Махмутова. – Казань, 1989.
2. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. – М.: Наука, 1978. – 270 с.
3. Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. – Вып.2. – Казань, 1962. – С.19–56.
4. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 191 с.
5. Рамазанова Д.Б. К формированию говора пермских татар. – Казань, 1997. –204 с.
6. Баязитова Ф.С. Татар-каракалпаклар сөйләше // Татар халык сөйләшләре. – Беренче китап. – Казан: Мәгариф, 2008. 414–418 б.
7. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 295 с.
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М. –Л., 1959.
9. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
10. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология. Т.2 Ч.1. –М.: Изд-во АН СССР, 1952.
11. Исхаков Ф.Г. Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Из-во вост. лит.-ры, 1961.
12. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. –Абакан: Хакасоблнациздат, 1948.